

которым вы быть-может знакомы и даже добрые приятели, а живой, настоящий Подхалозинъ, который благодѣтеля въ яму упекъ, да на его денешки домъ обстроилъ, лавку открылъ и, глазомъ не сморгнувъ, зазываетъ публику:

— Милости просимъ! Малаго ребенка приплите, — въ луковицѣ не обочтемъ!

И вдругъ одна фраза, одно какое-нибудь хотя бы и мастерски произнесенное слово, но поданное отдѣльно, между двумя паузами, идущее какъ-то въ разрѣзъ съ общимъ тономъ, выбиваетъ васъ изъ колеи...

Очарованіе на минуту исчезаетъ, и хотя затѣмъ быть-можетъ возвращается съ удвоенной силой, но цѣльность художественнаго впечатлѣнія уже нарушена и подчеркнутымъ фразой навсегда останется въ вашемъ представленіи какимъ-то неожиданнымъ толчкомъ.

Г. Садовскій пользуется своей литературностью очень рѣдко и притомъ очень умѣло.

За вѣсь спектакль я замѣтилъ у него двѣ три такихъ фразы, сами по себѣ сказанныя до того мастерски, что невозможно было не смѣяться. Это—во-первыхъ въ сценѣ Подхалозина съ Липочкой, когда они сидятъ рядомъ послѣ своей помолвки и Липочка спрашиваетъ:

— Для чего вы, Лазарь Елизарычъ, по-французски не говорите?

И г. Садовскій, какъ-то наклонивъ голову набокъ и смиренно поджавъ губы, отвѣчаетъ съ трагической замоскворѣцкаго толсто-сума:

— А для того, что намъ не для чего!

Потомъ въ той же сценѣ, получая согласие Липочки на женитбу, онъ мигомъ подлетаетъ къ дверямъ и кричитъ сдавленнымъ отъ радости голосомъ:

— Титенька-съ! Титенька-съ!

И весь театръ разражается бурей аплодисментовъ. Эта фраза настолько рискованна, что другой актеръ, давший ее въ подобномъ тонѣ, непременно впалъ бы въ фарсъ, но г. Садовскій умудрился и здѣсь найти какую-то гранцу между истинно смѣшнымъ и смѣхотворнымъ, уцѣпился за какую-то запримѣтную черточку, быть-можетъ за природную споту голоса, и впечатлѣніе получилось художественное.

Вообще «литературность» — вещь очень рискованная для неопытныхъ артистовъ.

Еще опаснѣе она для молодежи. Если ее не слѣдуетъ отрицать вовсе, то во всякомъ случаѣ прибѣгать къ ней надо изрѣдка и въ самыхъ умѣренныхъ дозахъ.

Мнѣ хочется сказать еще два слова о другихъ исполнителяхъ. Ризположенскаго игралъ г. Борисовскій, очень даровитый и тонкій артистъ, поразившій меня своимъ исполненіемъ труднѣйшей роли доктора Ранка въ «Норѣ». Онъ прекрасно изображалъ и Ризположенскаго, за что былъ вызванъ нѣсколько разъ вмѣстѣ съ гастролерами. Очень просто и мило играла г-жа Прокофьева (Липочка). Вначалѣ она нѣсколько детонировала, ну, да это сказать — мыслимо ли не сбиться съ тона, когда остальные актеры еле-еле бродятъ по сценѣ, а изъ саду доносится завываніе іериконской трубы гарнизоннаго оркестра!..

ю. в.

Новос. Врем. № 8448.
6 января 1902

М. П. Садовскій.

Кто въ Москвѣ не знаетъ Михаила Прохорова Садовскаго?

Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли въ лѣтнихъ московскихъ Императорскихъ театрахъ найдется такое талантъ артистовъ, какъ М. П. Садовскій, вся артистическая карьера и жизнь которыхъ связана была бы неразрывно съ однимъ и тѣмъ-же театромъ, съ однимъ и тѣмъ-же народомъ, да даже съ одною и тою-же улицей.

М. П. Садовскій, артистическія именины которого Малый театръ празднуетъ послѣзавтра, 18-го января, это — воплощенная традиція этого театра, цѣлая школа въ лицѣ одного артиста.

Впрочемъ, талантъ и жѣ, вообще, артистическія достоинства М. П. Садовскаго хорошо известны, и я предпочитаю вмѣсто восклицаній, поздравить васъ нѣсколько ближе съ М. П. Садовскимъ — человекомъ «спартанскимъ».

— Вотъ, я кстати... Расскажу вамъ курьезъ, надъ которымъ я только-что размышлялъ...

Это были первые слова М. П., встрѣтившаго меня на порогѣ своего кабинета въ хорошо известномъ москвичамъ домикѣ старинной русской архитектуры на углу Мамонтовскаго и Трехсруднаго переулковъ.

— Вособразите, мнѣ сейчасъ привели справку изъ нашего театральнаго архива.

Оказывается, что «Шутники», которыхъ я возобновляю для своего бенефиса, или первый разъ на сценѣ Малаго театра 18-го января 1870 года... Тридцать лѣтъ точка въ точку. Какъ вамъ нравится такое совпаденіе?.. Вотъ я говорю все это, что подъ луной нѣтъ ничего страннаго...

По лицу говорившаго, дѣйствительно, вѣроятно было, что это случайное совпаденіе кажется ему глубоко-знаменательнымъ. Далѣе мы перешли въ кабинетъ.

Если-бы я не зналъ, что нахожусь у знаменитаго артиста я, вѣроятно, поздравилъ-бы себя въ дуплѣ съ «ученымъ» знакомствомъ: до того кабинета М. П. заваленъ книгами. Это положительно цѣлая солидная библиотека, которая способна сдѣлать честь любому антиварию.

— Грамотенъ. Что прикажете дѣлать?.. — коротко пояснилъ мнѣ собесѣдникъ и спустя минуту добавилъ: — При томъ многозначенъ...

Объясненіе, несмотря на свою краткость, для меня — «профессионала», было вполнѣ достаточно: М. П. просто-на-просто литераторъ и авантюристъ.

Разговоръ нашъ постепенно переходилъ на болѣе ответственныя темы, и я, со всевозможной осторожностью, коснулся вопроса о «традиціяхъ» Малаго театра. Собесѣдникъ мой вѣжливо омянулся.

— Въ послѣднее время мнѣ все чаще и чаще приходится слышать жалобы со стороны прессы и публики на отсталость, «застылость», если можно такъ выразиться, нашего Малаго театра... Эти упреки я считаю по возможности несправедливыми. Скажу больше: лично я желалъ-бы видѣть эту т.-наз. застылость. Вѣдь, этой «застылостью», какъ вамъ известно, и была велика Comédie Française. «Застылость», — почетная «застылость», какъ я ее, по крайней мѣрѣ, понимаю, выражается въ неуловимомъ слѣдованіи известнымъ, строго определеннымъ идеаламъ искусства, его цѣлямъ и традиціямъ, — въ строгой выработкѣ репертуара, — въ подборѣ, наконецъ, крупныхъ, совершенно индивидуальныхъ артистическихъ силъ, которыя могли-бы создать дѣлкую школу... Такимъ «застылымъ» я-бы желалъ видѣть нашъ Малый театръ. Къ сожалѣнію, не всѣмъ этимъ требованіямъ мы удовлетворяемъ. Смотримъ, нѣтъ-нѣтъ, да и сорвались: сдѣлали уступочку требованіямъ публики, поставили какую-нибудь новинку. Это уже не «застылость»...

Отъ этого естественный переходъ былъ къ новаторству Художественно-общедоступнаго театра.

— Какъ вамъ сказать? — улыбнулся мой собесѣдникъ: — Мнѣ, наиримѣрь, въ этомъ театрѣ нечего было-бы дѣлать. Я не понимаю такого абсолютнаго подчиненія артиста всевозможнымъ режиссерскимъ требованіямъ. Я не могу примириться съ тѣмъ, что артистъ,

во имя какой-то отвлеченной «идеальной постановки», долженъ окончательно забыть о своей индивидуальности, не имѣетъ права повысить голоса на $\frac{1}{10}$ тона, передвинуть стулъ на сценѣ съ одного мѣста на другое. У насъ, въ Москвѣ, я помню, были мейнптенцы, и мнѣ почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ жаловался Вартель. Онъ буквально задыхался въ этой обстановкѣ и былъ несказанно радъ, когда ему пришлось оставить требованіямъ идеальной постановки иногда вѣдетъ просто къ курьезамъ, ну, хотя-бы, въ родѣ того, какой случился въ Художественномъ театрѣ въ «Сибирячкѣ». На сценѣ вдругъ всѣ начинаютъ вѣвать на разные лады, потому-что, по указаніямъ режиссера, на сценѣ въ этотъ моментъ «должна царить угнетающая скука». Между тѣмъ, по ремаркѣ «бѣгаетъ толпа веселыхъ берендеевъ». Конечно, это смѣшно... Съ другой стороны, однако, я признаю положительный raison d'être за всѣми родами искусства.

Я теперь ясно понимаю, что вижу передъ собою знаменитаго артиста-художника, но... «съ традиціями», которыя въ немъ являются неискоренимыми, хотя-бы уже въ силу одного его положенія и возраста...

Г. К—И.

Русск. Листокъ № 15
16 января 1902.

М. П. САДОВСКІЙ.

Судить о недостаткахъ современной печати въ обширномъ смыслѣ я не берусь; я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о той ея отрасли, которая касается моей профессіи, т. е. о театральнахъ рецензіяхъ. По моему, главный ихъ недостатокъ заключается въ торопливости, съ которой онѣ пишутся; хотя, по всѣмъ вѣроятностямъ, эта торопливость находится въ зависимости отъ быстрого хода газетнаго дѣла, но все-таки въ сужденіяхъ о театрѣ желательно встрѣчать побольше корректности и поменьше шаблонности.

Не могу умолчать о томъ, что нѣкоторые рецензенты поставили для себя въ обязательство и къ мѣсту, и не къ мѣсту изощрять на театрѣ и на актерамъ свое остроуміе.